

Нарративы травматического прошлого в японских музеях исторической памяти

Д.В. Стрельцов, Я.П. Фокин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматриваются нарративы травматического исторического прошлого, представленные в экспозициях японских музеев памяти. Основное внимание уделяется репрезентации событий, связанных с участием Японии во Второй мировой войне и её колониальной политикой. Исследование опирается на теоретические подходы, рассматривающие историческую память как социальный конструкт и разновидность символической политики. Авторы изучают музейные экспозиции как важные инструменты распространения определённых исторических нарративов, оказывающих значительное влияние на современный общественный дискурс и формирование коллективной идентичности японцев. Эмпирическую базу исследования составляют экспозиции четырёх репрезентативных японских музеев: музея Юсюкан, Мемориального музея солдат, интернированных в Сибирь, и послевоенных репатриантов, Музея «Северных территорий», а также Женского активного музея войны и мира. На примере указанных музеев авторы выявляют и анализируют три основных направления исторических нарративов: радикально-консервативное, умеренно-консервативное и прогрессистское. Для типологизации представленных нарративов используются пять моделей исторической памяти, предложенных Маттео Дианом: героизация прошлого, самовиктимизация, историческая амнезия, признание вины и искреннее раскаяние.

Исследование показывает, каким образом музеи используют различные механизмы репрезентации — текстовые пояснения, визуальные экспонаты, личные истории и эмоциональные приёмы, — для формирования у посетителей конкретных интерпретаций исторических событий. В статье обосновывается вывод о том, что многообразие представленных в музеях нарративов обусловлено конкуренцией мнемонических традиций и акторов в японском обществе, таких как политические партии, государственные институты, религиозные организации и общественные группы. Авторы отмечают, что сосуществование государственных и негосударственных музеев способствует сохранению плюрализма исторических интерпретаций, что, в свою очередь, отражает продолжающиеся общественные дискуссии о прошлом Японии и оказывает влияние на её национальную идентичность и международные отношения.

Ключевые слова: Япония, травматическое прошлое, исторические нарративы, музеи исторической памяти, музеи мира, Вторая мировая война

Важным средством репрезентации и распространения исторических нарративов в обществе выступают исторические музеи, которые призваны отражать укоренившееся в обществе восприятие себя и других через призму истории страны или определённых значимых для неё сюжетов. Как отмечал Дж. Барранд, музеи, будучи важным источником первичных доказательств, играют уникальную роль в историческом образовании, создавая чувство реальности прошлого и добавляя прошлому новое измерение (Barrand 1969: 65). Французский исследователь Доминик Пуло отмечал, что коллекция любого музея – это продукт реконструкций, созданных в результате селективного отбора и выборочных упущений во имя увековечения памяти (Poulot 2011: 7).

Особую группу образуют музеи памяти (Иванова 2022: 1372), которые посвящены трагическим событиям, связанным с войнами, геноцидом, массовой гибелью людей в результате войн или насильственных действий, совершённых как военным противником, так и органами власти собственного государства, или же группами людей, не связанными с правительством.

Одна из целей подобных музеев – воспитание в патриотическом духе подрастающих поколений. В Японии действует Базовый закон об образовании, согласно поправкам к которому, принятым в декабре 2006 г., школы должны прививать «любовь к собственной стране» с целью воспитания патриотизма в обществе¹. Общественные комиссии по образованию (*кёику иинкай*) при муниципалитетах, придерживаясь этих принципов, нередко одобряют в образовательных программах средней школы посещение музеев памяти. Кроме того, музеи зачастую включены в список местных достопримечательностей, которые туристические фирмы рекомендуют для посещения. Популярность музея, его посещаемость способствуют распространению в обществе определённого нарратива, внося тем самым вклад в выстраивание современной японской идентичности.

Между тем, когда речь идёт о чувствительных и, тем более, травматических событиях прошлого, представленные музеем нарративы, базирующиеся на субъективной интерпретации истории, далеко не всегда основаны на общественном консенсусе. Не составляют исключения из этого правила и музеи памяти Японии. В этой стране работают множество музеев, отражающих разные взгляды на трагические или чувствительные для общественного сознания события прошлого. Сказанное относится, прежде всего, к периоду Второй мировой войны, в которой Япония потерпела поражение, заплатив за свою милитаристскую политику миллионами жизней. Существуют несколько типов музеев памяти, отличающихся друг от друга интерпретацией военных событий первой половины XX в.

¹ Japan Passes Measure Requiring Patriotic Education – Asia – Pacific – International Herald Tribune. *The New York Times*. 15.12.2006.

В настоящей статье предпринята попытка на примере четырёх кейсов показать используемую японскими музеями методологию и формы репрезентации исторических нарративов периода Второй мировой войны. Авторы ни в коей мере не претендуют на широкое обобщение, которое потребовало бы детального знакомства с несколькими сотнями исторических музеев Японии, каждый из которых имеет свою специфику. В то же время даже знакомство с ограниченным набором кейсов может быть весьма плодотворным, так как позволяет наглядно продемонстрировать разнообразие репрезентационного инструментария, используемого в музейных экспозициях для пропаганды определённого исторического нарратива.

Представляется важным, что эти нарративы существенно влияют на современное состояние отношений Японии со странами, пострадавшими от её действий в прошлом. Авторы намеренно отказываются от рассмотрения этих международно-политических аспектов, поскольку они в достаточной мере изучены в отечественной историографии², и концентрируют внимание на том, каким образом и с использованием каких методов музеи памяти воздействуют на сложившийся в стране общественно-политический дискурс вокруг участия Японии во Второй мировой войне и её колониальной политики более раннего периода.

Эмпирический материал, собранный авторами, исследован в соответствии с подходом О.Ю. Малиновой, интерпретирующим историческую память как продукт социального конструирования и как вариацию символической политики. Политику памяти О.Ю. Малинова относит к областям символической политики, которая, в свою очередь, рассматривается как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова 2018: 31). Данное определение предполагает как множественность акторов, осуществляющих такую деятельность, так и влияние на неё системы уже существующих коллективных представлений (Малинова 2018: 30). Нарратив Малинова определяет как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» (Малинова 2018: 37). Для типологизации рассматриваемых нарративов мы используем классификацию М. Диана, который выделил пять идеал-типичных моделей памяти о войнах, травмах и насилии:

- *героизация прошлого* рассматривает насилие как подвиги, совершение которых оправдано национальными интересами и ценностями, чествует деятелей военного прошлого, замалчивает страдания населения других стран;
- *самовиктимизация* фокусируется на представлении «простого народа» в качестве жертвы, неспособной влиять на высокую политику, а вина за страдания возлагается на политическую элиту, либо на другие государства;

² См., напр., (Стрельцов 2022; Чугров 2020; Кульнева 2020).

- *историческая амнезия*, предполагающая игнорирование или изъятие из коллективной памяти травмирующих событий прошлого;
- *признание вины* за насилие (при том, что масштабы и мотивация сторон дискуссионны), не предполагающее, однако, активного раскаяния в совершённых преступлениях;
- *раскаяние* – помимо признания вины за несомненные и не заслуживающие оправдания преступления против других стран, выражается глубокое раскаяние по отношению к жертвам (Dian 2017: 24–25).

Произведённый нами анализ музеев выстроен на следующих уровнях: 1) уровень авторов музейных экспозиций, а также лиц и групп, которые стоят за его созданием; 2) уровень репрезентаций, т. е. механизмов (объектов, организации пространства), с помощью которых музей доносит до посетителей нарратив; 3) уровень дискурса, в рамках которого рассматриваются воспроизводящиеся музеем нарративы (Махотина 2018: 82).

В литературе принято выделять две традиции исторической памяти в Японии: консервативную, ассоциированную с правыми силами, националистическими и синтоистскими организациями, а также со значительной частью Либерально-демократической партии (ЛДП), и прогрессистскую, связанную с левыми, правозащитными и женскими организациями, профсоюзами и оппозиционными партиями (Dian 2017: 41), среди которых основной была Социалистическая партия Японии (СПЯ), после её ухода с политической арены – Демократическая партия Японии (ДПЯ), а затем Конституционно-демократическая партия (КДП) (Нелидов 2022: 47). В рамках консервативной традиции выделяют радикальное («ревизионистское») и умеренное крыло, компромиссные представления которого послужили основой для официального нарратива о прошлом в период существования «системы 1955 года»³ (Dian 2017: 62).

Рассматриваемые музеи репрезентативны с точки зрения данных нарративов и мнемонических акторов.

Музей Юсюкан находится под эгидой синтоистского храма Ясукуни, в котором среди божеств присутствуют военные преступники «класса А». Храм, имеющий статус религиозного юридического лица, стал одним из важнейших символов для носителей ревизионистских взглядов.

Мемориальный музей солдат, интернированных в Сибирь, и послевоенных репатриантов (далее Мемориальный музей мира) подведомствен Министерству внутренних дел и коммуникаций и ассоциирован, таким образом, с официальным, умеренно-консервативным нарративом. Тот же нарратив лежит в основе экспозиции Музея «Северных территорий», который находится в ведении муниципалитета г. Нэмуро.

³ Период электорального доминирования Либерально-демократической партии Японии, в течение которого основной оппозиционной силой являлась Социалистическая партия Японии.

Яркий пример музея, продвигающего прогрессистский нарратив, представляет собой Женский активный музей войны и мира. Его создание связано с деятельностью женской правозащитной организации «Сеть по борьбе с насилием в отношении женщин на войне», сыгравшей ключевую роль в организации в конце 2000 г. Международного женского трибунала по военным преступлениям 2001 г., который был посвящён проблеме «женщин для утешения». Для информирования о выводах и решениях Трибунала и был учреждён музей.

Нарратив героизации прошлого в музее Юсюкан

Основанный в 1882 г., музей Юсюкан был закрыт в рамках курса оккупационной администрации на борьбу с японским милитаризмом и национализмом и полностью возрождён только в 1982 г., а 2002 г. обновлён и расширен (Yoshida 2007: 3). С точки зрения механизмов репрезентаций музей организован по хронологическому принципу, что соответствует его задаче донесения до посетителей последовательной интерпретации событий определённого периода истории. Информация преподносится главным образом посредством текстовых справок, которые дополняются фотографиями и экспонатами. Юсюкан предлагает нарратив, кардинально ревизионистский по отношению к решениям Токийского трибунала и Сан-Францисской мирной конференции. Характерна интерпретация мотивов развязывания Японией военных действий в Восточной Азии: экспозиция описывает империалистскую экспансию Великобритании, Франции, Германии, России и США, между тем как японская экспансия описана либо как вынужденная мера для защиты собственной военной и экономической безопасности, защиты японцев за рубежом, либо как миссия по освобождению азиатских народов от «колониального ига» западных стран. Интерпретация какой бы то ни было из японских акций в качестве агрессии в экспозиции отсутствует.

Например, мотивы продвижения в Корею и начала русско-японской войны объясняются заботой о национальной безопасности, так как Корея могла стать плацдармом для внешней агрессии. Аналогичным образом описывая причины развязывания войны с США, экспозиция вновь акцентирует внимание на необходимости поддержать безопасность, на этот раз экономическую, ввиду введённого США нефтяного эмбарго, которое де-факто лишило Японию доступа к энергоресурсам. Отмечаются усилия Токио по предотвращению войны как до, так и после эмбарго. Агрессию по отношению к Китаю музейная экспозиция оправдывает необходимостью защиты японцев за рубежом. К примеру, причиной создания Маньчжоу-го в 1932 г. представлено ксенофобское рвение китайских властей, с которым «в нарушение существующих договоров» была начата националистическая кампания, а также антияпонские «преследования и терроризм» в Маньчжурии, угрожавшие тамошним японским гражданам. Ответственность за решение продолжить в 1937 г. экспансию Квантунской армии в Китае возложена на китайскую сторону. В частности, утверждается, что

антияпонские настроения привели к серии столкновений, якобы спровоцированных Китаем, вдоль линии контроля между японской и китайской армиями, в результате чего Квантунская армия была вынуждена пойти на дальнейшее «продвижение».

Важное место в музейной экспозиции занимает версия, по которой японская политика на материке, нацеленная на освобождение азиатских народов от «белых колонизаторов», противопоставлена эксплуататорскому и расистскому западному империализму. Так, в части экспозиции, посвящённой восстанию ихэтуаней (1899–1901), проводится различие между японскими войсками, которым якобы рукоплескали жители Пекина, и иностранными войсками, которые повсеместно занимались «грабежом». Аналогичным образом, описывая итоги русско-японской войны 1904–1905 гг., экспозиция подчёркивает, что победа Японии вдохновила народы Азии на антиколониальную борьбу.

Следующим аргументом, направленным на оправдание японского империализма, выступает противопоставление двух групп китайского и корейского населения: первой – настроенной на сотрудничество и мир с Японией, и второй, которую составляли приверженцы «националистических» и «ксенофобских» настроений, оказывавшие сопротивление японским властям. Например, при описании ситуации в Корее до её аннексии в 1910 г. отмечается, что в стране существовали прогрессивные «реформаторские прояпонские» и «консервативные прокитайские» движения. Сходная позитивная оценка дана сотрудничавшим с японскими властями китайцам, в том числе Ван Цзинвэю, главе «Национального правительства Китайской республики» в оккупированном Нанкине.

Отражение в экспозиции информации о военных преступлениях Японии рассмотрим на примере репрезентации Нанкинской резни, сведения о которой ограничены упоминаниями о том, что генерал Мацуи Иванэ приказал армии «поддерживать строгую военную дисциплину» и обещал «суровое наказание» всем, кто совершит «противоправные действия», и о том, что «переодетые в гражданскую одежду [китайские военные — авт.] были строго наказаны». Из такой интерпретации нетрудно сделать ошибочный вывод о том, что при захвате города не было совершено преступных действий. Часть экспозиции, посвящённая Токийскому процессу, выстроена таким образом, чтобы у посетителя сложилось впечатление о неоправданности решений Трибунала и появились сомнения в обоснованности признания членов милитаристского руководства Японии военными преступниками. В этой части доминирует изображение Радхабинода Пала – единственного из судей, кто настаивал на оправдании подсудимых, в итоге признанных военными преступниками «класса А».

Как отмечалось выше, нарратив, транслируемый музеем Юсюкан, можно отнести к ревизионистскому крылу консервативной традиции исторической памяти в Японии. С точки зрения типологизации нарративов, предложенной М. Дианом, нарратив этого музея полностью соответствует категории героизации прошлого. Насилие, совершённое во время войны, представляется как

оправданное либо национальными интересами («интересы безопасности», «интересы защиты японских граждан»), либо мессианскими целями («освобождение от западного колониализма»). Страдания гражданского населения других стран преуменьшены или замалчиваются (как было показано выше на примере репрезентации Нанкинской резни). Руководство и солдаты милитаристской Японии рассматриваются как герои, которые жертвовали своей жизнью из патриотических соображений и заслуживают полной реабилитации в глазах общества.

Радикально консервативная традиция, элементы которой представлены данным нарративом, зародилась в начальный период послевоенной истории. «Обратный курс», который оккупационная администрация во главе с США проводила с 1947 г. в условиях нарастания противостояния с СССР, заключался в свёртывании реформ по демилитаризации и демократизации Японии; в политику вернулись многие деятели военного прошлого, что обусловило преемственность элиты (Нелидов 2022: 31). Большая её часть придерживалась националистических взглядов, которые разделяли синтоистские и некоторые ветеранские организации. Эти взгляды строились на утверждении о континуитете между довоенной и послевоенной Японией, культе героической жертвенности военного поколения, отрицании агрессивной природы довоенной внешней политики, неприятию послевоенного пацифистского статуса страны, в частности, пацифистской конституции. Своими задачами консерваторы видели преодоление пацифистской идентичности, отрицание решений Токийского процесса, восстановление национальной гордости и статуса «державы первого эшелона» (Dian 2017: 45).

Мемориальный музей мира и Музей «Северных территорий» как носители нарративов самовиктимизации и частичной исторической амнезии

Нарратив исторической памяти представлен Мемориальным музеем мира, который был основан в 2000 г. Общественным фондом «Мир и утешение», ассоциированным с Министерством внутренних дел и коммуникаций, а в 2010 г. – передан под прямое управление Министерства. Это яркий пример мемориальных музеев, которые концентрируются не на выстраивании последовательного повествования о событии или об историческом периоде, а на скорби о жертвах. Механизмы репрезентации в подобных музеях нацелены на вызов у посетителей сострадания (Махотина 2018: 82), и важную, если не преобладающую по сравнению с информативными материалами, роль в экспозициях играют экспонаты, которые должны вызвать чувство эмпатии к жертвам. В тематических разделах Мемориального музея описано положение трёх групп японцев, пострадавших в годы Второй мировой войны.

Первая группа – это солдаты, оставившие свои семьи и ушедшие воевать за Родину, рискуя жизнью, выполняя свой долг и терпя значительные лишения. Большую роль играют личные письма и иные экспонаты, демонстрирующие связь между солдатами и их семьями. Особое место среди экспонатов и текстовых материалов занимает образец повестки о призыве в армию (яп. *акагами*), намекающий, что у солдат не было выбора.

Вторая группа – это бывшие военнослужащие императорской армии, которые после войны подверглись насильственной трудовой мобилизации и провели несколько лет в трудовых лагерях в регионах с экстремальными климатическими условиями бывшего СССР и Монголии. Согласно документам, представленным на выставке, советское руководство издало директиву, на основании которой до 500 тыс. японских военнопленных были использованы в качестве рабочей силы. Имеется макет трудового лагеря, подробно описаны тяготы лагерной жизни – непомерные нормы выработки, скудный рацион питания, антисанитария и холод в бараках.

Третья группа – это послевоенные репатрианты, которым после поражения в войне пришлось выживать в ужасных бытовых условиях. Экспозиция описывает положение бывших колонистов, оставшихся за пределами Японии после ликвидации японской оккупационной администрации.

Во всех трёх разделах, помимо общего описания, акцент сделан на семейных связях и личных историях конкретных людей, а в последнем разделе много внимания уделено оказавшимся в отчаянном положении детям. Для усиления эмпатического эффекта второй и третий разделы содержат композиции из восковых фигур, воссоздающие сцену жизни японских военнопленных в лагерных бараках и сцену репатриации семей японских колонистов на борту корабля.

Нарратив Мемориального музея мира, в отличие от музея Юсюкан, не стремится опровергнуть исторические факты или изменить их интерпретацию. К примеру, в музее Юсюкан для оправдания экспансии описаны антияпонские настроения, хотя рефлексия о причинах таких настроений полностью отсутствует. Нарратив Мемориального музея мира, наряду с описанием тягот японских колонистов, уделяет внимание и политике сегрегации, проводившейся японскими властями на оккупированных территориях в отношении местного населения. Несмотря на указанные различия, оба рассмотренных нарратива носят апологетический характер по отношению к действиям Японии. Если первый нарратив откровенно оправдывает японскую имперскую политику, то второй акцентирует внимание на виктимизации японского народа и при этом замалчивает негативные аспекты военного прошлого страны, избегая упоминания военных преступлений и анализа причин военной экспансии на материке. Например, трагедия судьбы японских солдат, согласно этому нарративу, объясняется не их участием в реализации милитаристской политики, а исключительно необходимостью выполнять свой воинский долг и неизбежными страданиями в ходе военных действий.

Нарратив, представленный в Мемориальном музее мира, отражает логику официального государственного дискурса Японии, который, согласно классификации М. Диана, сочетает в себе элементы самовиктимизации и исторической амнезии. С одной стороны, центральным сюжетом экспозиции является изображение простых японцев как жертв, лишённых возможности влиять на принятие политических решений, вследствие чего они были вынуждены страдать от последствий войны и послевоенных событий. Показательными примерами такой виктимизации служат акценты на принудительный характер мобилизации японских солдат, а также тяжёлое положение гражданского населения после краха колониальной администрации. С другой стороны, в музее полностью отсутствуют упоминания о военных преступлениях японской армии, а также рефлексия о виновниках трагических событий — будь то японское государство, его милитаристская элита или другие колониальные державы. Подобный подход указывает на проявления исторической амнезии и стремления представить события в пассивном залоге, избегая анализа причин и последствий совершённых действий (Gluck 1990: 12).

Таким образом, важнейшей характеристикой официального нарратива о военном прошлом остаётся сильный мотив виктимизации народа (Стрельцов 2014: 12). Будучи умеренной разновидностью консервативного нарратива, этот нарратив образовался в результате компромисса между консервативной и прогрессистской традициями памяти о военном времени. Именно этот компромисс, сочетающий в себе элементы виктимности и исторической амнезии, по мнению М. Диана, лёг в основу всей послевоенной японской политики исторической памяти. Это, в свою очередь, стало причиной отсутствия примирения Японии с другими азиатскими странами (Dian 2017: 61).

В 1990-е гг. официальный нарратив на некоторое время сместился в сторону прогрессистской традиции. Причин было много: окончание Холодной войны, амбиции Японии как глобальной политической державы, «возвращение» в Азию — активизация японской региональной политики в Восточной Азии, усилившееся давление на Японию со стороны экономически усилившихся восточноазиатских соседей с целью заставить её принести новые извинения за довоенную милитаристскую политику, первое за десятилетия поражение ЛДП на выборах с приходом к власти «прогрессистской» семипартийной коалиции (Стрельцов 2020: 38–41). Однако к 2010-м гг. в результате обострения противоречий в восточноазиатском регионе, а также ответной реакции со стороны ревизионистской части элиты, стремившейся «закрыть» вопрос об ответственности Японии, элементы раскаяния и виктимизации материковых жертв японской агрессии перестали воспроизводиться официальным нарративом (при том, что заявления Коно 1993 г. и Мураямы 1995 г. не были формально отменены⁴).

⁴ Заявления Коно (1993 г.) и Мураямы (1995 г.) являются ключевыми официальными документами, в которых японское правительство признало ответственность страны за военные преступления и выразило сожаление по поводу действий Японии в период Второй мировой войны.

На центральное место в памяти о войне снова вернулись страдания, перенесённые японцами (Нелидов 2022: 45).

Логика официального нарратива, отражённая, в том числе, в музейных экспозициях, состоит в исключении тех компрометирующих Японию моментов, которые теоретически могут быть поставлены под сомнение из-за отсутствия «надёжных» документальных доказательств, например, фотографий и свидетельских показаний. Среди японских историков имеется сильное националистическое крыло, представители которого на этом основании энергично оспаривают достоверность доказательств военных преступлений японской императорской армии (Iwasaki, Richter 2008: 511–512). Кроме того, «умеренная» поддержка со стороны государства прогрессистской традиции определяется целями воспитания патриотизма в соответствии с Базовым законом об образовании. Поэтому в исторических музеях, с помощью которых в школьных учреждениях ведётся «образовательная политика мира», практически отсутствуют однозначно критические оценки действий Японии в годы войны (Seaton 2015: 9). Следует отметить, что многие японские музеи (например, Сёвакан и Сёкэйкан) в своих экспозициях, посвящённых ужасам войны, апеллируют к сочувствию жертвам японского гражданского населения и рядовых японских военнослужащих, но не пытаются привлечь внимание к ответственности за эту войну Японии как государства или её руководства, которое эту войну инициировало (Allen, Sakamoto 2013: 1051–1052).

Нарратив самовиктимизации представляет также городской Музей «северных территорий» в г. Нэмуру на восточной оконечности острова Хоккайдо. Особенность нарратива этого муниципального музея заключается в его двояком смысле, политическом и эмоционально-психологическом. Л.М. Шляхтина отмечала, что современная модель музейной коммуникации «подразумевает множественность способов освоения реальности, включая нерациональные – интуицию, воображение, ассоциации, эмпатию» (Шляхтина 2011: 15–16).

Политические аспекты данного нарратива заключаются прежде всего в аргументации официальной позиции по проблеме границы с Россией: СССР «незаконно оккупировал» Южные Курилы — «исконную территорию» Японии. Мотив самовиктимизации проявляется, с одной стороны, в том, чтобы представить японскую нацию жертвой «агрессивной» и «захватнической» политики

Заявление Коно (1993) было сделано генеральным секретарём кабинета министров Ёхэем Коно и касалось признания ответственности Японии за создание системы «женщин для утешения» (сексуального рабства женщин на оккупированных территориях). В заявлении впервые на официальном уровне было признано, что японская армия принимала участие в создании и поддержании этой системы принуждения женщин к сексуальному труду. Коно выразил «искренние извинения и раскаяние» перед всеми жертвами системы «женщин для утешения». Заявление Мураямы (1995) было сделано премьер-министром Томиити Мураямой по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны. В своём обращении Мураяма официально признал, что Япония проводила колониальную и агрессивную политику, причинившую огромные страдания многим странам, прежде всего, азиатским народам. В заявлении подчёркивалось глубокое осознание ответственности Японии и выражалось «искреннее извинение и раскаяние» за причинённый ущерб и страдания.

Кремля, а, с другой стороны, — позиционировать в качестве невинно пострадавших японцев, которые проживали на Южных Курилах в момент окончания Второй мировой войны и были насильственно переселены на территорию Японии в 1946–1948 гг.

В экспозиции имеются несколько тематических разделов, содержащих текстовую и визуализированную фактуру, посвящённую истории появления японцев на «Северных территориях» и хозяйственного их освоения, а также истории формирования границы в японской интерпретации. Представлены копии документов, карты, фотографии и иные материалы, подтверждающие «законность» японского владения территориями. Указанные материалы предполагают рациональное осмысление посетителями.

Другая часть тематических рядов содержит в себе чётко выраженную апелляцию к эмоциональному отклику посетителей на тяготы, выпавшие на долю жертв. Ш. Уотсон, исследовавшая методологию работы исторических музеев, отмечала, что эмоциональные связи, в числе прочего, создаются с помощью нарративных приёмов, позволяющих посетителям ощутить себя внутри повествования (Watson 2015: 293). Повествование истории с особой точки зрения, например, от лица отдельного человека, стимулирует эмоциональную вовлечённость, позволяя людям отождествлять себя с мыслями и чувствами исторических субъектов (Savenije & de Bruijn 2017: 834). Страдания простых островитян показаны через демонстрацию «ужаса советского вторжения», который расписан буквально по часам, через воспоминания и свидетельства бывших островитян, в которых упор сделан на моральные страдания после прихода чужеземной армии и связанной с этим неопределённостью, с бегством на любых доступных плавсредствах на основную территорию страны, а для оставшихся — с принуждением покинуть родные места, оставив нажитое имущество, и с невозможностью свободного посещения могил предков⁵. Особую коннотацию экспозиции придаёт демонстрация в закольцованном режиме мультфильма «Остров Джованни», где события августа – сентября 1945 г., представленные глазами японского мальчика, изображены чёрными красками.

Следует отметить, впрочем, что, даже судя по материалам музея, советские военные и гражданские власти не предпринимали в отношении японцев никаких незаконных действий. Более того, опыт совместного проживания (японские и русские семьи в течение двух с лишним лет после окончания войны зачастую делили кров из-за недостатка жилья) не давал оснований для его исключительно негативного восприятия: в экспонируемых музеем воспоминаниях и на фотографиях представлены эпизоды взаимопонимания и даже взаимопомощи

⁵ В реальности японцы могли посещать могилы своих родственников на Южных Курилах в соответствии с межправительственным соглашением между СССР и Японией от 1964 г., за исключением периода 1976–1986 гг., когда советская сторона для посещения требовала от японцев загранпаспорт и визу.

между советскими переселенцами и островитянами⁶. Тем не менее эмоциональный посыл музея очевиден и однозначен: посетители должны сопереживать страданиям японских «жертв».

Как и полагается музеям памяти, Музей «Северных территорий» учреждён на месте исторических событий, в данном случае — на мысе Носаппу, что позволяет посетителям с расстояния 3,7 км рассматривать в бинокль принадлежащие России острова Малой Курильской гряды и даже получить «свидетельство о посещении “Северных территорий”». В составе комплекса имеется символическая арка, «соединяющая» Японию с её «северными территориями», а также многочисленные памятные знаки, изображающие «мольбу японского народа» о воссоединении с «исконными территориями». Таким образом, географическая близость, вкупе с представленными экспонатами, пробуждают у посетителей чувство личного сопереживания с «жертвами несправедливости», а также ощущение сопричастности с событиями почти восьмидесятилетней давности, представленными в тенденциозной интерпретации. Даже малейшей попытки изложить советский/российский взгляд на причины утраты Японией Курильских островов в целом и Южных Курил, в частности, а также на события, связанные с репатриацией японского населения с Курильских островов и Сахалина, в музейной экспозиции не сделано⁷.

Прогрессистская традиция в Женском активном музее войны и мира

Кардинально отличный от консервативной традиции нарратив предлагает Женский активный музей войны и мира. Целями его создания в 2005 г. были: сохранение протоколов и документов, подготовленных для Международного женского трибунала по военным преступлениям 2001 г., на котором рассматривался вопрос японского сексуального рабства во время войны; выражение почтения женщинам, пережившим психологические и физические страдания в результате учреждения системы «станций для утешения»; создание базы для правозащитной деятельности (Nishino 2007: 2).

Механизмы репрезентации данного музея отражают сочетание задач широкого информирования посетителей по определённому историческому вопросу и вызова у них сострадания к жертвам. С одной стороны, в экспозиции доминирующее положение занимают информационно-справочные материалы, описывающие общую военную ситуацию, структуру военно-политического командования и функционирование системы «станций для утешения». Важное место отведено документам и протоколам Женского трибунала 2001 г., представлены

⁶ Воспоминания бывших островитян на странице музея см.: URL: <https://www.hoppou.go.jp/problem-info/know/tesimony-of-history.html>

⁷ Подробнее о российском видении данной проблемы см.: (Георгиев 1998: 174–182; Кузин 2019).

личные истории жертв, многочисленные книги, сборники статей, буклеты и видеоматериалы. С другой стороны, экспозиция фокусируется на конкретной группе жертв («женщинах для утешения») с особым акцентом на их личных историях, и включает эмоционально наполненные фотографии и картины. На основании документов и свидетельств в музее представлены истории «женщин для утешения», рекрутированных с территорий Кореи, Китая, Филиппин, а также европейских колоний в Юго-Восточной Азии, а также самой Японии. Приводятся свидетельства того, что рекрутеры, действовавшие на фоне бедственного социально-экономического положения населения оккупированных территорий, запугивали и обманывали девушек, не брезгуя и насилием. Названы причины, по которым жертвы долго хранили молчание: опасения социальной дискриминации из-за доминирования в обществе патриархальных норм, при терпимости к сексуальному насилию в военное время, которое зачастую не рассматривалась в качестве военного преступления, в том числе в силу распространённости этой практики (Nishino 2007: 2).

Экспозиция отражает особенности системы «станций для утешения». На основании документов Женского трибунала 2001 г., включавших показания жертв и японских ветеранов, а также заключений историков, юристов-международников и психологов, экспозиция утверждает, что создание и функционирование этой системы происходили с одобрения высшего военного командования страны – либо по принятым им решениям, либо с его молчаливого одобрения. На этом основании музей возлагает прямую ответственность за совершённые преступления против человечности на японские военные власти. Виновным в преступлениях наравне с девятью членами руководства страны назван император Хирохито как верховный главнокомандующий имперской армией и флотом⁸. Эмоциональность данному элементу нарратива придаёт представленная в экспозиции картина корейской художницы, бывшей «женщины для утешения» Кан Дук Кён «Наказать виновных! – Ради мира», на которой изображен император Хирохито с завязанными глазами, находящийся в преддверии своей казни.

Нарратив, представленный Женским музеем, соответствует современной прогрессистской традиции в японской исторической памяти. В соответствии с классификацией Диана, экспозицию этого музея можно рассматривать как сочетающую нарратив раскаяния с некоторыми элементами самовиктимизации. Нарратив раскаяния проявляется в ключевом для музея акценте на преступлениях японской армии против населения других стран, которые признаются несомненными и не подлежащими оправданию (оправдания в экспозиции отсутствуют). Кроме того, экспозиция явным образом содержит призыв японцам к

⁸ Women's International War Crimes Tribunal Archives. URL: <https://archives.wam-peace.org/wt/en/judgement> (дата обращения: 10.04.2024)

искреннему раскаянию и деятельным извинениям, в т. ч. через ссылки на отсутствие такового в настоящее время. В то же время элементы нарратива самовиктимизации проявляются в присутствии в музейной экспозиции информации о «женщинах для утешения» из самой Японии, а также в склонности рассматривать, согласно решениям Трибунала 2001 г. в качестве виновных не страну в целом, а только её военное командование.

Прогрессистская традиция в исторической памяти Японии, как и консервативная, уходит корнями в середину XX в. Важную роль в её формировании сыграл рост влияния левых сил, оппозиционных милитаристской элите военного времени, осуждение последних решениями Токийского процесса, а также принятие пацифистской конституции. Ключевым элементом данного нарратива была т. н. «двойная виктимизация» японского населения, которое стало жертвой одновременно тягот войны, прежде всего воздушных бомбардировок, и милитаристской элиты, втянувшей его в эту войну (Dian 2017: 51–52). Другим важным элементом нарратива была тотальная демилитаризация: радикальный разрыв с довоенным милитаристским прошлым и пацифизм во внешней политике, предполагающие нейтральный статус страны на международной арене, полный отказ от собственных вооружённых сил и от военного присутствия США на своей территории (Hook 2003: 32). Как отмечалось выше, элементы данной версии нарратива были инкорпорированы в консенсусный официальный нарратив «системы 1955 г.». После налаживания отношений с КНР в 1970-х гг., а также окончания Холодной войны пацифистский нарратив был переосмыслен и в стремлении следовать «модели Германии» акцент переместился на виктимизацию жертв японской агрессии в других странах и на достижение с ними примирения (Seraphim 2007: 33). Вместе с тем элементы виктимизации самих японцев из этого нарратива полностью не исчезли.

Заключение

Специфика японских музеев памяти заключается в существовании множественности исторических нарративов. Рассмотренные выше примеры демонстрируют наличие трёх различных подходов к отображению прошлого: радикально-консервативного (музей Юсюкан), умеренно-консервативного (Мемориальный музей мира и, с некоторыми оговорками, Музей «Северных территорий») и прогрессистского (Женский активный музей войны и мира). Подобный нарративный плюрализм объясняется тем, что в японском обществе одновременно существуют и конкурируют различные традиции памяти, поддерживаемые многочисленными мнемоническими акторами — политическими партиями, государственными органами, религиозными объединениями, правозащитными и другими общественными организациями.

Важную институциональную основу такого множественного подхода обеспечивает параллельное существование государственных (муниципальных) и негосударственных музеев. Государственные и муниципальные учреждения (например, Мемориальный музей мира, Музей «Северных территорий») склонны демонстрировать более сдержанный и компромиссный умеренно-консервативный нарратив, тогда как негосударственные музеи, напротив, выбирают более радикальные подходы: либо выраженно консервативные (Юсюкан), либо явно прогрессистские (Женский активный музей войны и мира).

Учитывая ограниченный формат данной статьи, авторы не ставили задачей определить, какой из этих подходов преобладает в современной Японии. Вместе с тем, опираясь на устойчивость пацифистских ценностей в японском общественно-политическом дискурсе, можно предположить, что большинство музеев памяти подчёркивают прежде всего трагические последствия войны. Таким образом, нарративы самовиктимизации, признания ответственности перед народами Азии и раскаяния, вероятно, превалируют над нарративами героизации и исторической амнезии. Эту гипотезу подтверждает японская исследовательница А. Такэнака, отмечающая, что экспозиции большинства из более чем двухсот музеев, посвящённых Второй мировой войне, фокусируются не на военных действиях и героических сюжетах, а прежде всего на тыле и страданиях гражданского населения от военных действий, особенно воздушных налётов (Takenaka 2014: 77).

Об авторах:

Дмитрий Викторович Стрельцов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва 119454, просп. Вернадского, 76.

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Ярослав Павлович Фокин – магистрант МГИМО МИД России, Москва 119454, просп. Вернадского, 76.

E-mail: fokin_a_p@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

UDC: 94(520)"1939/1945":069.01

Received: December 11, 2024

Accepted for publication: March 15, 2025

Narratives of the Traumatic Past in the Japanese Historical Memory Museums

 Dmitry V. Streltsov, Iaroslav P. Fokin
[DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-115-133](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-3-102-115-133)

MGIMO University

Abstract: The article explores narratives of traumatic historical events presented in Japanese museums of historical memory, with a particular focus on representations related to Japan's involvement in World War II and its colonial past. Utilizing theoretical frameworks of historical memory as a form of social construction and symbolic politics, the authors analyze museum exhibitions as tools for disseminating specific historical narratives, which significantly influence contemporary public discourse and collective identity in Japan. The research is structured around an analysis of four representative case studies: the Yushukan Museum, the Memorial Museum for Soldiers, Detainees in Siberia, and Postwar Repatriates, the Northern Territories Museum, and the Women's Active Museum on War and Peace. Each museum reflects distinct mnemonic traditions—radical conservative, moderate conservative, and progressive—and employs varied strategies and methodologies to convey their particular historical narratives. Through these case studies, the article identifies five ideal-typical memory models as defined by Matteo Dian: glorification of the past, self-victimization, historical amnesia, acknowledgment of guilt, and genuine repentance. The analysis demonstrates how each museum utilizes different representational mechanisms—such as textual information, visual displays, personal narratives, and emotional appeals—to foster specific interpretations of history. The authors argue that the diversity of historical narratives within Japanese memory museums results from competing mnemonic traditions and actors within society, including political parties, government institutions, religious organizations, and civic groups. The coexistence of state-supported and private museums further reinforces narrative pluralism. This pluralism reflects ongoing societal debates around Japan's wartime actions and continues to shape national identity, historical consciousness, and international relations.

Keywords: Japan, traumatic past, historical narratives, museums of historical memory, peace museums, World War II

About the authors:

Dmitry V. Streltsov – Professor, Head of the Department of Afro-Asian Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (RAS). Address: 76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Iaroslav P. Fokin – Graduate student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Address: 76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: fokin_a_p@my.mgimo.ru

Acknowledgements:

This research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-18-00109.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Akaha T. 2008. The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: The Role of China and Korea in the Last Decade. *Pacific Focus*. 23(2). P. 156–188. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2008.00009.x
- Allen M., Sakamoto R. 2013. War and Peace: War Memories and Museums in Japan. *History Compass*. 11(12). P. 1047–1058. DOI: 10.1111/hic3.12108
- Barrand J. 1969. Museums and the Teaching of History. *Teaching History*. 1(2). P. 65–71.
- Dian M. 2017. *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier. 304 p.
- Gluck C. 1990. The Idea of Showa. *Daedalus*. 119(3). P. 1–26.
- Hook G.D. 2003. *Militarisation and Demilitarisation in Contemporary Japan*. London: Routledge.
- Iwasaki M., Richter S. 2008. The Topology of Post-1990s Historical Revisionism. *Positions. Asia Critique*. 16(3). P. 507–538. DOI: 10.1215/10679847-2008-012
- Nishino R. 2007. The Women's Active Museum On War And Peace: Its Role In Public Education. *Asia-Pacific Journal*. 5(12). P. 1–7.
- Poulot D. 2011. Preface. Uses of the Past – Historical Narratives and the Museum. In: Poulot D., F. Bodenstei, J.M.L. Guira (eds). *Great Narratives of the Past. Traditions and Revisions in National Museums*. Conference proceedings from EuNaMus. European National Museums: Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen. Paris, 29 June – 1 July & 25-26 November 2011. Linköping University Electronic Press. http://www.ep.liu.se/ecp_home/index.en.aspx?issue=078
- Savenije G.M., de Bruijn P. 2017. Historical Empathy in a Museum: Uniting Contextualisation and Emotional Engagement. *International Journal of Heritage Studies*. 23(9). P. 832-845. DOI: 10.1080/13527258.2017.1339108
- Seaton P. 2015. The Nationalist Assault on Japan's Local Peace Museums: The Conversion of Peace Osaka. *Asia-Pacific Journal*. 13(30(3)). P. 1–20.
- Seraphim, F. 2007. Relocating War Memory as the Century's end. S.M. Jager & R. Mitter (Eds.). *Ruptured Histories: War, Memory, and the Post-Cold War in Asia*. Cambridge: Harvard University Press. P. 14–46.
- Takenaka A. 2014. Reactionary Nationalism and Museum Controversies: The Case of "Peace Osaka". *The Public Historian*. 36(2). P. 75–98. DOI: 10.1525/tph.2014.36.2.75
- Watson S. 2015. Emotions in the History Museum. *The International Handbooks of Museum Studies* (eds S. Macdonald and H. Rees Leahy). P. 283–301. DOI: 10.1002/9781118829059.wbi-hms992
- Yoshida T. 2007. Revising the Past, Complicating the Future: The Yushukan War Museum in Modern Japanese History. *Asia-Pacific Journal*. 5(12). P. 1–8.
- Chugrov S.V. 2020. Pereosmysleniye itogov Vtoroy mirovoy voyny v sovremennoy Yaponii [Rethinking the Results of World War II in Contemporary Japan]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 22–45. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03 (In Russian).
- Georgiev Y.V. (ed.) *Kurily – ostrova v okeane problem*. [Kuriles – Islands in an Ocean of Problems]. Moscow: Rosspen. (In Russian).

Ivanova O.V. 2022. Kommemorativnye praktiki muzeev pamjati: opyt Muzeja istorii GULAGa [Commemorative Practices of Memory Museums: the Experience of the Gulag History Museum]. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 6(4). P. 1366–1418. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-4-7 (In Russian).

Kulneva P.V. 2020. Yaponskaya agressiya v Kitaye i chuvstvo viny [Japanese Aggression in China and the Feeling of Guilt]. *Japanese Studies in Russia*. №4. P. 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026 (In Russian).

Kuzin A.T. 2010. Problemy poslevoennoj repatriacii japonskogo i korejskogo naselenija Sahalina [The Problems of the Post-War Repatriation of the Japanese and Korean Population of Sakhalin]. *Russia and the Asia-Pacific region*. 2(68). P. 76–83. (In Russian).

Malinova O.Ju. 2018. Politika pamjati kak oblast' simboličeskoj politiki. [Memory Policy as an Area of Symbolic Policy]. A.I. Miller, D.V. Efremenko (ed.). *Metodologičeskie voprosy izučeniya politiki pamjati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy]. Moscow — Saint Petersburg: Nestor- Istorija. P. 27–53 (In Russian).

Mahotina E.I. 2018. Narrativy muzealizacii, politika vospominanija, pamjat' kak šou: Novye napravlenija memory studies v Germanii. [Narratives of Musealization, Politics of Memory, Memory as a Show: New Directions of Memory Studies in Germany]. A.I. Miller, D.V. Efremenko (ed.). *Metodologičeskie voprosy izučeniya politiki pamjati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy]. Moscow — Saint Petersburg: Nestor- Istorija. P. 57–92 (In Russian).

Nelidov V.V. 2022. Istoričeskaja pamjat' vo vnešnepolitičeskom diskurse Japonii [Historical memory in the foreign policy discourse of Japan]. D.V. Streltsov (ed.). *Problemy istoričeskogo prošlogo v otnošenijah Japonii so stranami-sosedjami* [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. P. 29–52. (In Russian).

Streltsov D.V. 2014. Problemy istoričeskogo prošlogo v poslevoennyh otnošenijah Japonii so stranami Vostočnoj Azii. [Problems of the Historical Past in Japan's Post-War Relations with East Asian Countries]. *Yearbook Japan 2014*. 43. P. 7–27. (In Russian).

Streltsov D. V. 2020. «Diplomatiya izvinenij» vo vneshnej politike poslevoennoy Japonii. [“The Diplomacy of Apologies” in the Foreign Policy of Postwar Japan]. *Yearbook Japan 2020*. 49. P. 29–61. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10002 (In Russian).

Streltsov D.V. (ed.). 2022. *Problemy istoričeskogo prošlogo v otnošenijah Japonii so stranami-sosedjami* [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. 352 p. (In Russian).

Shlyakhtina L.M. 2011. Sovremennyy muzej: idei i realii [The Modern Museum: ideas and realities]. *Voprosy muzeologii*. 2(4). P. 14–19. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Георгиев Ю.В. (ред.). 1998. *Курилы: острова в океане проблем*. Москва: Росспен.

Иванова О.В. 2022. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа. *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 6(4). С. 1366–1418. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-4-7

Кузин А.Т. 2010. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина. *Россия и АТР* 2(68). С. 76–83.

Кульнева П.В. 2020. Японская агрессия в Китае и чувство вины. *Японские исследования*. №4. С. 21–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Малинова О.Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики. Миллер А.И., Ефременко Д.В. (ред.). *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва — Санкт-Петербург: Нестор История. С. 27–53.

Махотина Е.И. 2018. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии. Миллер А.И., Ефременко Д.В. (ред.). *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва — Санкт-Петербург: Нестор История. С. 57–92.

Нелидов В.В. 2022. Историческая память во внешнеполитическом дискурсе Японии. Стрельцов Д.В. (ред.). *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. Москва: Аспект Пресс. С. 29–52.

Стрельцов Д.В. 2014. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. *Ежегодник Японии 2014*. Т. 43. С. 7–27.

Стрельцов Д.В. 2020. «Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии. *Ежегодник Японии 2020*. Т. 49. С. 29–61. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10002

Стрельцов Д.В. (ред.) 2022. Историческая память во внешнеполитическом дискурсе современной Японии. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. Москва: Аспект Пресс. 352 с.

Чугров С.В. 2020. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 22–45. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03.

Шляхтина Л.М. 2011. Современный музей: идеи и реалии. *Вопросы музеологии*. 2(4). С. 14–19.